о силе надежды
в страшные
времена

ТЕА РАННО

МАЛЬЧИК ИЗ ТРАМВАЯ

перевод
Анны Тигай

МИФ

МИФ Культура

Теа Ранно

Мальчик из трамвая. О силе надежды в страшные времена

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2023

УДК 821.131.1-342
ББК 84(4Ита)-444

Ранно Т.

Мальчик из трамвая. О силе надежды в страшные времена / Т. Ранно — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2023 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-214607-9

Невыдуманная история Эмануэле ди Порто, «мальчика из трамвая», не раз попадала в итальянские СМИ. Потеряв маму в 12 лет в захваченном фашистами Риме, Мануэ выжил благодаря доброте и смелости сотрудников трамвайного парка и много лет спустя нашел в себе силы рассказать об этом. Несмотря на сложность темы, рассказ его получился светлым и жизнеутверждающим.

УДК 821.131.1-342
ББК 84(4Ита)-444

ISBN 978-5-00-214607-9

© Ранно Т., 2023
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2023

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 7
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Теа Ранно
Мальчик из трамвая. О силе надежды в страшные времена

Оригинальное название
Un Tram per la Vita

На русском языке публикуется впервые

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© First published in Italy by Piemme/Mondadori Libri S.p.A. in 2023. This edition published in arrangement with Grandi & Associati
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Невинная плоть
втиснута силой в вагоны.
Едет умирать.
Руки, глаза, мечты
уничтожены газом.
Кости обтянуты кожей
у живых,
которые уже мертвы.
И вот – мальчик
бежит,
он спасется
от рук убийц.
Мальчик
и трамвай
одни
едут жить.

Т. Р.

Предисловие

Меня зовут Эмануэле ди Порто, мне девяносто один год. Утром 16 октября 1943 года немцы устроили облаву в римском гетто. Они схватили мою мать и затащили ее в один из грузовиков. Я выбежал на улицу – хотел спасти ее, но в итоге она спасла меня.

Эту историю я рассказываю уже больше семидесяти лет, но только недавно она заинтересовала людей. Сейчас меня узнают на улице и называют «мальчиком из трамвая». Но я никогда по-настоящему не был ребенком, потому что в те времена мы жили в страшной бедности и каждому следовало поскорее вырасти, чтобы помогать семье. Я никогда не был ребенком и никогда не буду стариком: время в моем сердце словно остановилось.

В этой книге рассказана моя история. Факты в ней сплелись с фантазией, которая понадобилась Тее, чтобы оживить прошлое и превратить его в роман.

CON-LI AUGURIO · Di una BUONA
LETTURA-

Emanuele Di PORTO

[1]

[1] Желаю приятного чтения. Эмануэле ди Порто *(ит.)*

Глава 1

Меня будят выстрелы – оглушающе громкие в ночной темноте. Я открываю глаза и сначала не понимаю, где я и что происходит. Мама уже встала и подбежала к окну.

– Немцы? – спрашивает Бетта с соседней кровати.

Мама не отвечает. Она смотрит в окно, пытается понять, что случилось. На Виа делла Реджинелла пусто. Тогда она распахивает ставни и высовывается дальше, чтобы разглядеть конец улицы со стороны портика Октавии. На маминых волосах оседают капли дождя. В свете фонаря они сверкают, словно множество маленьких огоньков. У меня очень красивая мама.

– Немцы? – снова спрашивает Бетта. Она старшая из девочек и любит вести себя как взрослая.

– Нет. Никого.

Но выстрелы раздаются снова – близкой очередью, как будто кто-то пускает фейерверки. Вот только сейчас война, и никому бы такое даже в голову не пришло.

Мама отходит от окна и закрывает ставни.

– Это далеко, – шепчет она, – не бойтесь.

И правда, выстрелы, кажется, раздаются за Тибром.

– Какой-то пьянчуга решил поиграть в тир, – говорит мама шутливым тоном, но ее голос дрожит. – Спите, еще рано.

Она проходит мимо кровати, где мы лежим вдвоем с братом. Он тихо стонет.

– Болит? – спрашивает мама с беспокойством.

Нандо молча на нее смотрит.

Она кладет ему руку на лоб, как будто проверяет температуру. Но жара у Нандо нет, просто маме хочется погладить его по голове.

– Попозже поедем в больницу, – говорит мама. Она собирается что-то добавить, я вижу, как она кусает губы. Мама хотела бы взять Нандо на руки и укачивать, но сдерживается. Ему четырнадцать, он почти мужчина, а мужчину не возьмешь на ручки. Но с тех пор как Нандо заболел, он словно опять стал маленьким мальчиком. Мама снова гладит его и говорит, что в больнице ему дадут лекарство и боль пройдет.

Я бы тоже хотел, чтобы она гладила меня по голове, обнимала, беспокоилась, называла «моя радость». Тогда я бы чувствовал себя особенным. Но я, слава богу, здоров. А вот Нандо мучается, и в последнее время ему только хуже, и мама исстрадалась из-за него.

Его тогда принесли домой белым как полотно и холодным как ледышка. Мама уложила брата на кровать, сверху накрыла всеми одеялами, которые у нас были, и принялась растирать ему руки и ноги, пока они снова не стали нормального цвета. С тех пор как Нандо болеет, мы,

здоровые дети, для нее будто тени. Иногда мама замирает и долго смотрит на него, словно прикидывает, как бы сшить ему новое, здоровое тело. Она прекрасно шьет, моя мама, так может заштопать одежду, что и не заметишь. Если она кладет брюки под иглу машинки «Зингер», будь уверен: низ выйдет идеальным.

Мама возвращается к окну. Выстрелы не затихают, они раздаются вокруг гетто, запирая нас внутри наедине со страхом. Они предупреждают: «Хочешь остаться в живых – сиди дома».

Я сворачиваюсь калачиком под одеялами, мне не холодно, на улице октябрь, и пока довольно тепло, но сердце колотится как бешеное.

Чтобы отвлечься, я думаю о фильме «Фуга на два голоса», мы смотрели его в кино вчера днем. Может, даже на днях сходим на него еще раз.

«Мы с тобой одни в ночи», – пел Джино Беки, который сыграл в фильме главную роль, а мама тихонько ему подпевала. Она обожает кино, потому что там ты погружаешься в волшебный мир, где не случается ничего плохого, и пару часов ты счастлив. Как только нам удается накопить семь лир (по одной на каждого), мы отправляемся на Пьяцца дель Джезу, в центральный кинотеатр, и проводим немного времени без грустных мыслей. «Вы уж посмотрите фильм пару раз, и за меня тоже!» – говорит папа, он-то в кино не ходит. Мама опускает голову и улыбается, хоть и времена нынче тяжелые. Я похож на нее – никогда не унываю. Я знаю, что мы бедные, что сейчас война и голод и все такое, но нельзя же все время отчаиваться! Если тебе выпало что-то хорошее, не упусти это – так и жизнь станет получше. Мой девиз «Кто может – спасайся!», и я спасаюсь мечтами, потому что в них всегда можно убежать.

Вечером мы вернулись домой, и мама вновь замурлыкала песенку, пока готовила пасту с сыром и черным перцем – шикарный ужин. Я украдкой смотрел на нее из-за двери. Мне казалось, что она красивее всех женщин на свете – с прядью, которая лезет ей в глаза, и длинными волосами, заколотыми на затылке шпильками. Она была красивой, даже когда подстриглась под мальчика, и мы вшестером ужасно боялись, что папа рассердится, ведь тогда женщины с накрашенными губами, маникюром и модными стрижками считались легкомысленными. И как вы думаете, чем все закончилось? Папа ничего не заметил! Мама терла сыр и напевала: «Мы с тобою в свете луны…» Но когда пришли остальные, она замолчала: война есть война, на войне не до песен.

Пока я погружен в свои мысли, Виа делла Реджинелла наполняется людьми. И вот уже по сан-пьетрини[2] стучат каблуки, в двери бьют приклады, и раздаются лающие приказы на немецком.

– Они увозят мужчин, – мама почти кричит, но сразу понижает голос. – Я схожу к Термини[3], предупрежу отца, чтобы он не приходил домой. Здесь слишком опасно. Если его увидят, то схватят.

Она права. Беда набросилась на нас, как волк из засады, и покой предыдущих дней обернулся обманом.

– Я туда и обратно, – говорит мама, набрасывая кофту на плечи. – Оставайтесь дома, никуда не уходите!

– Можно с тобой? – решаюсь я спросить. Я ведь большой, если что – сумею ее защитить. Но она уже в другой комнате, где спят наши дяди, тети и их дети. Дверь громко хлопает. Я вздрагиваю. С немцами на улице любой звук может обернуться бедой. Мне кажется, я слышу, как мама сбегает вниз по ступенькам. Но это иллюзия: стены толстые, а ступает она легко. Я подхожу к окну и смотрю на улицу.

---

[2] *Сан-пьетрини* – камни, которыми вымощено множество мостовых в историческом центре Рима, в том числе площадь Святого Петра (Сан-Пьетро), откуда они и берут свое название. *Прим. пер.*

[3] *Термини* – главный железнодорожный вокзал Рима. *Прим. ред.*

Дождь все идет, Виа делла Реджинелла почти погрузилась в темноту. Немногочисленных фонарей не хватает, чтобы осветить ее, земля мокрая и скользкая. У входа в дом Сеттимии стоят солдаты с бумагами в руках.

«Списки!» – догадываюсь я, и меня охватывает бешенство.

Несколько недель назад немцы потребовали у нас, евреев римского гетто, пятьдесят килограммов золота, что-то вроде выкупа, за что обещали оставить нас в покое. Подполковник Капплер[4] – он сейчас командует в Риме – заявил, что, если мы не заплатим, они заберут двести мужчин из семей, чьи фамилии в списке, и отвезут их в Германию на фронт сражаться с русскими и умирать. Пятьдесят килограммов золота за один день? Да где это видано? Откуда взяться такому богатству, когда вокруг такая нищета? И тем не менее все принялись за дело, несли цепочки, браслеты, кольца… Даже католики нам помогли, они сказали, что бесчеловечно назначать цену за жизнь. В итоге все получилось: мы собрали и отдали немцам золото. Чего же им надо теперь?

Мама выходит из подъезда, прижимаясь к стене, и соскальзывает в темноту. Она молодец: двигается как тень, и никто ее не замечает. Я слежу за ней, и у меня часто бьется сердце. На Черепашьей площади[5] полно солдат, у одних в руках бумаги, у других – только винтовки, направленные на несчастных, которых они выволокли на улицу. Несмотря на страх, те требуют объяснений: «Что вам от нас надо? Зачем мы вам? Что…»

Немцы даже не думают отвечать, толкаются, подгоняют жестами («Быстро!», «Давай!»), тащат людей к грузовику – мне из окна видна часть кузова. Другие, с дубинками в руках, бьют витрины, выбивают двери, пытаются вырвать рамы.

По крышам скользят тени людей, которые пытаются спрятаться или убежать. Две женщины прыгают из окна прямо во двор. Они что, с ума сошли? Так и убиться недолго!

Мама шагает спокойно, не медленно и не быстро. К счастью, немцы ее не замечают. Когда она добирается до улицы, которая ведет к площади Торре-Арджентина, я вновь могу дышать.

– Надо одеться, – говорит Бетта, и мы подчиняемся.

В темноте она одевает и малышку Джемму. Та тоже почувствовала опасность и ведет себя тихо как мышь. Я надеваю кофту, брюки, носки. Иногда зимой ноги у меня становятся фиолетовыми от холода, но мне наплевать.

– Куда вы нас везете? – кричит женщина на улице.

Я бегу к окну. Она молода, на руках у нее ребенок. Уже слишком темно, и я не узнаю ее, она упирается и не хочет идти. Солдат сильно толкает ее, женщина падает, младенец плачет, солдат берет его за шею и грозит ударить о стену. Она вскакивает на ноги и хватает ребенка:

– Не бойся, – бормочет она, – ну же, моя радость, ш-ш-ш…

Остальные закидывают немцев вопросами, те не понимают по-итальянски и злятся, что их никто не слушается. Один мужчина, все еще в пижаме, берется переводить:

– Они говорят, что отвезут мужчин в рабочие лагеря, а женщин – прислуживать у них дома. Старики и больные тоже должны ехать, потому что в лагере есть медпункт и их вылечат… – Он замолкает на мгновение, слушает слова офицера. – Говорят, это временно, пока они не выиграют войну, потом мы сможем вернуться к прежней жизни.

Ложь от начала до конца, но все стараются поверить в нее хотя бы на мгновение.

Нашу дверь никто не вышибает, никто не приказывает нам собирать вещи и выходить.

– Может, нас нет в списке, – шепчу я.

Бетта подходит ко мне и тоже смотрит на улицу.

---

[4] *Полковник Густав Капплер* – оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности в Риме, военный преступник. *Прим. пер.*

[5] *Черепашья площадь* – речь идет о Пьяцца Маттеи, на которой стоит фонтан Черепах. *Прим. ред.*

– Может быть, – отвечает она тихо. – Все равно дождемся маму и сбежим отсюда.

Остальные снова улеглись в кровати, Бетта рядом с Джеммой. А я все стою, прячусь за ставнями, мысленно следую за мамой: от Черепашьей площади, по Виа Паганика, она уже наверняка дошла до Торре-Арджентина и села на автобус до вокзала.

– Запомни, автобус называется «М – Б», – сказала мама, когда впервые отправила меня на вокзал Термини одного. – Наверху на нем должно быть написано «М – Б», это значит «Макао – Борго»[6].

Я сразу усвоил, что «М – Б» значит «Макао – Борго» и что автобус с такой надписью отходит от Термини и идет к Ватикану.

Минуты текут, мамы все нет. Наверное, она пройдет не через Черепашью площадь, где полным-полно немцев, а со стороны портика Октавии. Я встаю на цыпочки, чтобы увидеть улицу как можно дальше, но там только эсэсовцы и группы шагающих людей.

Часы на комоде показывают 5:25. Снаружи еще темно, дождь все идет, каски блестят от воды, дети плачут и зовут матерей, а солдаты злятся и кричат все громче.

Я словно внутри ночного кошмара. Вчера еще казалось, что мы в безопасности, мы верили слову немцев, думали, что они уважают договоренности, а на самом деле… кругом один обман.

Хорошо, что папа отправился работать несмотря на субботу.

Для нас, евреев, суббота – день отдыха. Поэтому-то немцы и застали всех дома. Папа говорит, что следует чтить субботу, ведь так велел Бог, но, когда семья нуждается, Бог не оскорбится, если ты заработаешь несколько чентезимо[7] на хлеб с маслом для своих родных.

Мой папа – уличный торговец. Он продает всякую всячину: открытки, расчески, кошельки, брелоки, – немцам, прибывающим с воинскими эшелонами, и солдатам, которые возвращаются с фронта. Они приезжают в основном ночью, поэтому и работает папа по ночам. Домой он приходит к полудню, мама ждет его у окна. Если он, видя ее, еще с улицы подает знак, что сегодня не заработал ни лиры, она одалживает денег у соседки, чтобы поставить на стол хоть что-нибудь.

Здесь все так делают, по крайней мере на обед. А вечером мы часто ложимся спать на голодный желудок, съев только одну картошку или кусок хлеба. В доме у нас три семьи, и хуже всего, когда у одних есть еда, а у других – нет. Ты ешь, а остальные смотрят тебе в рот, и кусок не лезет в горло. Вот что делают с людьми война и бедность.

Папа встал, как обычно, около трех. Его ремень упал на пол, пряжка задребезжала, как монетка, и я проснулся.

– Пап…

– Спи, Эмануэле, – отозвался он, – еще рано.

Наши ставни пропускают свет, поэтому я видел, как он надевает брюки и рубашку. Потом он ополоснул лицо водой из тазика, взял шляпу и сказал маме: «Джинотта, я пошел». Он говорил тихо, чтобы не разбудить остальных, особенно малышку: если она начинает плакать, это надолго. Мою маму зовут Вирджиния, Вирджиния Пьяцца, но в семье все называют ее Джиноттой.

После его ухода я заснул не сразу, но не из-за шума. В три часа немцы еще не начали стрелять, и на Виа делла Реджинелла стояла тишина, какая бывает, когда все спят. Казалось, эта ночь такая же, как обычно. Я вспоминал фильм и мечтал об Эстер. Она мне очень нравится, но лучше бы мне выкинуть ее из головы, потому что она богатая, а я бедный, а мама говорит, что

---

[6] В наши дни район Рима, где находится Термини, носит название Кастро-Преторио; о прежнем названии напоминает Виа дель Макао, она находится рядом с вокзалом. Борго – район Рима, граничащий с Ватиканом. Маршрут «М – Б» соответствует современной автобусной линии № 64. *Прим. ред.*

[7] *Чентезимо* – монета в Италии до 2002 года. В 1 итальянской лире было 100 чентезимо. *Прим. ред.*

у богатых с бедными ничего не получится. Но мечтать-то можно о чем угодно. Я представлял, как беру ее за руку и мы уходим подальше от чужих глаз.

Глава 2

Я все смотрю в щель между ставнями. Теперь на улице полно людей. Хорошо, что мама ушла, когда еще почти никого не было. Небо по-прежнему темное, идет сильный дождь, земля покрыта лужами. Вода и грязь с немецких сапог летят в несчастных, которых только что стащили с кровати. Они стараются закрываться от брызг как могут.

– Хочу к маме, – хнычет Джемма.

Бетта обнимает ее.

– Она скоро придет.

– Когда?

– Вот предупредит папу и придет.

– Когда?

– Подожди чуть-чуть.

Джемма наматывает на палец локон и снова плачет. Бетта протягивает ей корку хлеба:

– Вот, поешь.

В комнате снова тихо, а внизу не смолкает шум. Я еще раз смотрю на площадь.

– Не высовывайся! Тебя увидят, – предупреждает Бетта.

– За ставнями не увидят, – успокаиваю я сестру. Когда уже придет мама? Скорее бы она была тут, в безопасности, вместе с нами.

Немецкий солдат громко зачитывает имена. Как будто на уроке перекличка. Но от этой переклички стынет кровь.

Раньше по гетто ходили слухи о списках евреев, которых собирались депортировать. Но я в них не верил. Мне казалось, это глупость, так говорят, чтобы нас запугать. Но нет, вот они, списки! Я не поверил, потому что знаю много немцев, и не все они плохие. Как папа на станции, я продаю им расчески, кошельки, подтяжки – зарабатываю деньги, чтобы помогать семье свести концы с концами. Иногда немцы дают мне немного хлеба и мясные консервы. А один всегда улыбается и покупает подтяжки, даже если они ему не нужны. Конечно, после восьмого сентября, когда Италия подписала мирный договор с союзниками[8], все изменилось. Итальянцы стали врагами, а мы, евреи, – врагами вдвойне. Была бы жива бабушка, она бы сказала, что такова судьба нашего народа. Я против подобных мыслей. Не хочу, чтобы ко мне относились иначе, чем к другим итальянцам, только потому, что, по нашей вере, Иисус Христос не был сыном Бога.

[8] 8 сентября 1943 года Италия, ранее воевавшая на стороне Германии, капитулировала. Союзники – англо-американские войска, противники Германии. *Прим. пер.*

Да почему мамы так долго нет? Она наверняка вся промокла, зонтик она не взяла, выбежала, словно даже не заметила дождя… А ведь так можно и пневмонию получить.

Пойти ее искать?

Нет. Она велела никуда не уходить и ждать ее. И потом сейчас дома я глава семьи. Папы нет, Нандо не в счет, а мне уже двенадцать, и последние четыре года я помогаю зарабатывать на хлеб.

Немцы собрали на площади людей с чемоданами и заталкивают их в грузовик. Не только мужчин, женщин и детей, но и стариков. Старики-то зачем им в рабочем лагере? Некоторые и палку уже не поднимут, не говоря о мотыге! Немцам было бы гораздо выгоднее их не трогать.

– Они всех увозят, – удивленно шепчет мне на ухо Бетта.

Малышка, которую она оставила одну в кровати, снова заплакала.

– Иди к ней, – говорю я.

Сердце громко стучит у меня в груди, заглушая остальные звуки. Мамы все нет. Может, она решила не возвращаться, а может, папа уговорил ее отправиться вместе в Тестаччо[9]. Они знают: мы продержимся, в соседних комнатах дяди и тети, а в настоящей опасности как раз они, люди на улице. И правда, лучше бы мама с папой шли к родственникам в Тестаччо.

[9] *Тестаччо* – район Рима. *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.